

ПОНЯТИЕ ДУХОВНОГО СЕРДЦА В ФИЛОСОФИИ ШРИ ЧИНМОЯ

М. В. Воронина

THE CONCEPT OF SPIRITUAL HEART IN SRI CHINMOY'S PHILOSOPHY

M. V. Voronina

Статья раскрывает смысловое содержание понятия духовного сердца в философии выдающегося представителя индийской культуры, крупнейшего мыслителя, йога и духовного мастера Шри Чинмоя (1931 – 2007). На первый план выведена проблема онтологического статуса духовного сердца, которая в настоящее время философской наукой изучена мало. Автор анализирует идеи Шри Чинмоя о роли данной антропологической структуры в дальнейшем эволюционном движении человека в контексте всеединого существования.

The paper is devoted to discovering the semantic content of the concept of spiritual heart in the philosophy of the outstanding representative of the Indian culture, the largest thinker, the yogi and spiritual master Sri Chinmoy (1931 – 2007). The problem of the ontological status of spiritual heart, which has little been studied in philosophy so far, is brought to the fore. The author analyzes Sri Chinmoy's ideas about the role of this anthropological structure in the further evolutionary movement of a human being in the context of universal oneness existence.

Ключевые слова: ведическая традиция, Шри Чинмой, духовное сердце, онтология, вселенское всеединство, эволюция.

Keywords: Vedic tradition, Sri Chinmoy, spiritual heart, ontology, universal oneness, evolution.

Понятие духовного сердца звучит в человеческой культуре с незапамятных времен, занимая, как указывают исследователи, центральное место в религии, мистике и поэзии всех народов [4, с. 271]. Оно встречается во многих Священных Писаниях разных религий, начиная с наиболее ранних – Вед [Ригведа, т. 1: I, 67.3-4; I, 73. 10; I, 105.15; II, 35.2; III, 26.8; Ригведа, т. 2: V, 1.10; VI, 16.47; Ригведа, т. 3: X, 5.1; X, 25.2; X, 90.13-14; X, 119.5; X, 123.2; X, 191.4; Атхарваведа, т. 1: IV, 2.10; V, 29.4; VI, 9.3; VI, 18. 1,3]. Хорошо известным является также факт широкого присутствия этого понятия и в библейских текстах, в обоих Заветах – Ветхом и Новом. В них мы находим первичные смысловые структуры содержания символа сердца и указание на их бытование в антропологической реальности. Феномен сердца здесь осмысливается не в качестве физического органа, а как неотделимая, а то и ведущая часть тонких духовно-душевных и психологических процессов, обретая значение некоего духовного органа. Как пишет исследователь В. Н. Бабина [15, с. 157], в христианской философии сердцу придается значение не только центрального органа чувств, но и важнейшего органа познания, органа мысли и восприятия духовных воздействий. Сердце есть орган воли, из него исходит любовь, в сердце помещается такая интимная скрытая функция сознания, как совесть, за сердцем закрепляется также эмоциональная сфера. То обстоятельство, что современные исследователи особо обращают внимание на факт единодушного признания различными религиозными и религиозно-философскими традициями (суфизма, буддизма, даосизма, исихазма, индуизма) наличия у человека особого органа познания – сердца [26, с. 4, 35], в значительной мере продиктовано сложившейся в мировой культуре (особенно в ее западном варианте) ситуацией, когда встает вопрос о глобальной значимости смены типа рациональности.

В разные времена различные аспекты феномена сердца исследовались как в религиозных, богослов-

ских, философских трудах, так и в области гуманитарных наук широкого профиля (история, филология, лингвистика, культурология, психология). В двадцатом же веке, как пишет исследователь Ф. Н. Юсупова, «сердечная» проблематика стала объектом концептуальной рефлексии, узловой темой философско-культурологических и философско-антропологических изысканий, приобретая качественно новый метафизический статус [38, с. 3]. Вместе с тем целый ряд авторов диссертационных исследований последних лет прямо указывают на крайнюю недостаточность в изучении темы духовного сердца [13, с. 4 – 5; 25, с. 2 – 3, 9; 26, с. 4]. Также говорится о том, что на данный момент не существует целостной концепции сердца [13, с. 6] и что наличествует необходимость для философии поставить «своеобразный кантовский вопрос: как возможно... сердечное познание, единодушно признаваемое сторонниками различных религиозных учений?» [13, с. 4].

Обращает на себя внимание противоречивое положение вещей и в другом отношении. Есть исследователи (правда, их совсем немного: здесь мы можем назвать только двоих – Б. П. Вышеславцева и Ю. В. Хвастунову – и их к тому же разделяет большой промежуток времени), которые указывают как на совершенно непререкаемый факт, что сердцу принадлежит центральное место в религиозной системе индуизма. Но мы при этом вынуждены констатировать, что нет ни одного самостоятельного исследования феномена сердца как явления индуистской, т. е. ведической, религиозно-философской традиции, кроме тех немногочисленных страниц, которые посвящают этой теме сами названные выше исследователи [26, с. 35 – 44; 16, с. 275 – 279].

В данной работе сделана попытка восполнить пробел в исследованиях на эту тему, обратившись к наследию выдающегося представителя индийской культуры, крупнейшего мыслителя, йога и духовного мастера Шри Чинмоя (1931 – 2007). В системе его

взглядов понятие духовного сердца является центральным. Шри Чинмой сам называет предлагаемый им путь путем сердца, понимая под сердцем не физический орган, а некую тонкую, духовную структуру, которая тем не менее имеет свою локализацию в теле человека – середина грудной клетки [35, с. 127 – 128] – и которая составляет, согласно Шри Чинмою, центр личности.

В кардиоцентричном учении Шри Чинмоя выражена антропология, вбирающая в себя древний опыт: своим источником она имеет Священные Писания индуизма – Веды, Упанишады, Бхагавад-Гиту. Одновременно он преемственным образом развивает достижения представителей реформационного движения в индуизме, его современной модификации, получившей название неоиндуизма (в первую очередь Шри Рамакришны, Вивекананды, Шри Ауробиндо). Вся эта линия, которая существует более ста лет, была изначально сориентирована на интеграцию мировых культур Востока и Запада как инструмент единения человечества. Ее представители намеренно создавали свои тексты на английском языке, стараясь передать ведическое знание в предельно универсальной форме и обеспечить необходимые предпосылки осуществления интеграционных процессов на земле. основополагающие принципы ведической традиции (монизм, космизм, эволюционизм, теизм, праксиологизм) являются базой развития неоиндуизма и присутствуют во взглядах его представителей. Учение Шри Чинмоя несет многовековую традицию в будущее, включая его вселенское и глобальное измерения. (Прим. автора: *в этом своем изложении взглядов Шри Чинмоя мы сохраним его орфографию в отношении использования заглавных букв в словах, которые, как правило, обозначают либо высшую вселенскую инстанцию (Брахмана, Творца, Бога, Всевышнего, Абсолюта), либо его атрибутивные свойства*).

В задаваемой традицией схеме интерпретаций можно увидеть, как понятие духовного сердца развивалось от кажущейся достаточно простой лексемы, лишь эпизодически появлявшейся на страницах Вед, до центрального понятия всеобъемлющей метафизической концепции, как мы это видим в учении Шри Чинмоя. Необходимо в первую очередь отметить, что данное учение передает концепцию вписанности человека в космический контекст и конкретизирующим образом разрабатывает глубинные и принципиально важные аспекты процесса дальнейшего исторического развития на земле. У Шри Чинмоя мы найдем все уровни подхода к проблеме – от самых фундаментальных, затрагивающих онтологические аспекты, до сугубо практических, служащих реальному процессу осознания феномена духовного сердца и овладения им. Мы намерены в нашей работе уделить внимание в первую очередь онтологическому аспекту феномена в силу, во-первых, крайней неразработанности в науке этой стороны в постижении сердца, а во-вторых, в силу значимости онтологического основания в представлении любого феномена вообще, а сердца в особенности. Как пишет Е. С. Титаренко, исследование реального жизненного функционирования религиозного символа сердца в антропологической реальности теоретически опирается на онтологическое понима-

ние природы символа [25, с. 16]. Именно онтологические основания сердца таковы, что, как это явствует из написанного Шри Чинмоя, делают его главной опорой трансформационных процессов на земле и ключом к будущему человеку. Но поскольку феномен сердца является исключительно сложным объектом философского исследования, что признается учеными, исследовавшими этот феномен [26, с. 19; 16, с. 271], и при его анализе постоянно пересекаются онтологические, гносеологические, антропологические, аскиологические, психологические и прочие предпосылки, а в целостном, практически ориентированном учении Шри Чинмоя это проявляется в наибольшей мере, то мы неизбежно будем касаться и других аспектов.

Онтология духовного сердца, как она представлена у Шри Чинмоя, такова, что она неизбежно должна повлечь расширение контекста рассмотрения антропологической реальности со всеми вытекающими отсюда последствиями, и в первую очередь – необходимостью пересмотра и развития представлений о космологическом характере земного существования. В своих подходах к данной проблематике учение Шри Чинмоя вступает в плодотворный диалог с некоторыми весьма значимыми течениями и направлениями мысли в мировой философии, и в первую очередь с метафизикой всеединства, а также с космизмом – не только русским, но и западным, предложившим в лице христианского теолога Тейяра де Шардена основывающуюся на научных изысканиях ноосферную парадигму развития жизни на земле, раскрывающую ее, жизнь, как гигантскую психобиологическую операцию – своего рода «мегасинтез», «суперкомбинацию», как выражается Шарден [27, с. 194].

Максимально расширяя контекст рассмотрения сущности человека – до космического и вселенского, как мы уже сказали, Шри Чинмой включает в него вектор эволюционной перспективы, в основание которой он кладет идею структурного единства бытия, или, выражаясь языком самого мыслителя, идею вселенского всеединства, инструментом и своего рода прообразом которого на антропологическом уровне у него служит понятие духовного сердца. Концепция эволюции на земле Шри Чинмоя синтезирует некоторые идеи биологической эволюции, представленной в учениях Ламарка и Дарвина, и идеи тех, кто развивал взгляд на эволюцию на земле как эволюцию духа, или сознания (Анри Бергсон, Тейяр де Шарден, представители русской религиозной философии и др.). Наиболее близким ему является учение об эволюции на Земле в виде двуединого процесса инволюции духа и эволюции материи, которое представлено у Шри Ауробиндо и в котором идея конечной цели вырисовывается как причина трансформации антропологической реальности. Об учении Шри Чинмоя можно говорить как об эволюционизме, базирующемся на пластичности, подвижности соотношения материи и духа в составе единой целостности. Ярко выраженной чертой учения Шри Чинмоя является беспрецедентная детализация каналов социализации знания, накопленного традицией, и акцент на творческом характере современного этапа эволюции на земле, в силу чего это учение можно было бы определить также как ис-

кусство интегральной динамической духовной трансформации.

Для учения Шри Чинмоя характерным является положение, логически связанное со сказанным выше – он никогда не рассматривает человека в отрыве от отношений внутри системы «человек-вселенная\космос-Бог». Несмотря на доминирование здесь праксеологической составляющей, принцип монизма, пронизывающий всю философию Шри Чинмоя, служит основанием онтологизации согласованности бытия человека, космоса и Бога внутри их общего бытия. Философия Шри Чинмоя обнаруживает, что тип связи внутри этой системы таков, что она становится вместилищем всех возможных для человека императивов, которые предполагают в качестве своих коррелятов определенные духовно-нравственные качества, носителем и основой (субстратом) которых служит духовное сердце. Здесь утверждается не статичное, а живое единство человека, космоса и Бога (а вместе с ним – и идея богоподобия человека). С одной стороны, космос выступает главным фактором формирования нового человека, а вовсе не пассивным фоном для его деятельности. Но с другой стороны, согласно концепции Шри Чинмоя, человек вовлечен в проектирование вселенной столь радикальным способом, что он может выступать в роли властно-волевого оператора, результаты функционирования которого обладают неизмеримым потенциалом экстраполяции. Он – человек – призван стать субъектом космической эволюции. Отсюда мы получаем предельную насыщенность монистического учения Шри Чинмоя антропологическим содержанием как одну из его сущностных характеристик.

Хотя свои идеи Шри Чинмой часто выражает с преобладанием образной и поэтической компоненты (как это свойственно традиции в целом), это несколько не умаляет глубины его текстов, а напротив – делает их необычайно емкими. Приведем несколько строк Шри Чинмоя, в которых представлено описание синтетической природы космоса как метафизической и антропологической реальностей, раскрывающее в свободной художественной манере принципы высокой степени общности человека, космоса (вселенной) и Бога. В одном из своих эссе, которое так и называется – «Вселенная», – Шри Чинмой пишет:

Вселенная – это Творение Бога и осознание человека.

Вселенная – это Сострадание Бога и освобождение человека.

Вселенная – это Концентрация Бога и преобразование человека.

Вселенная – это Медитация Бога и раскрытие человека.

Вселенная – это Созерцание Бога и проявление человека [30, с. 53].

В своей интерпретации этих строк мы хотели бы обратить внимание на следующее. Во-первых, данные строки являются одной из развернутых диспозиций тезиса Шри Чинмоя – единства и тождества творения и Творца, человека и Бога, Атмана и Брахмана, их неразрывности. Этот тезис, чрезвычайно важный, как известно, в системе ведических взглядов, в разных вариациях постоянно присутствует в работах мысли-

теля. Существует множество высказываний Шри Чинмоя, где он этот фундаментальный тезис утверждает, развивает и конкретизирует:

– «Бог и человек едины и тождественны» [11, р. 126];

– «... человек сам есть Бог» [35, с. 43];

– «Человек – это завтрашний Бог и Бог – это завтрашний человек» [2, р. 37]. «Бог находится глубоко внутри нас» [11, р. 33];

– «... Бог и мы – одно и навсегда останемся одним. Человек и Бог – устремленный в человеке и спаситель в Боге – полностью одно» [34];

– «Бог – это человек, еще не осуществленный в Его бесконечности, а человек – это Бог, но ему еще предстоит это осознать» [11, р. 126];

– «Он (человек) и Бог не только вечно есть одно, но они также равны, они все пронизывают и всему несут осуществление» [35, с. 29].

Во-вторых, эти строки могут быть расценены как краткий способ передачи очень глубокой и масштабной мысли о бытии человека в мире как экзистенциальной драме преодоления разъединения с Богом. Полем, где осуществляется воссоединение, называемое в традиции Лилой (Божественной Игрой, или Драмой), и служит, как подчеркивает Шри Чинмой, космос, представляемый им в качестве Бесконечности, которая тем не менее определенным образом структурирована, что также коррелирует с сущностными характеристиками сердца (что будет показано ниже). Во всех аспектах рассмотрения этой проблемы в качестве руководящего принципа ее решения может и должна выступать метафизика всеединства. Эта онтологическая целостность Творца и творения, которую постулирует Шри Чинмой, важна для его этики и гносеологии. Органическое единство человека и мира означает нравственную ответственность человека в космическом масштабе: создавая такой образ живой, эволюционирующей и, как особо подчеркивает Шри Чинмой, подлинной Вселенной, он в этом же эссе как к условиям такой Вселенной отсылает к качествам, которые описывает в своей философии как качества сердца – устремленности, восприимчивости, служения и т. д. [36, с. 53 – 55].

Философия Шри Чинмоя не оставляет сомнения, что глубинная связь человека с космосом реализуется в человеке на уровне развития в нем этических основ. По сути, своей его философия может быть представлена как всестороннее раскрытие отношений личности (единичного) и Бога (Единого), разворачивающихся в сакральном пространстве духовного сердца, становящегося вместилищем божественных сущностей и сил и формирующегося путем обмена субстанций и движений (содержащиеся в символе сердца первичные смысловые структуры выступают в качестве проекций содержаний духовной реальности).

Чем объясняется столь высокий статус духовного сердца? В порядке его обоснования Шри Чинмой указывает на ряд положений, онтологически характеризующих феномен духовного сердца, и в первую очередь – на существующий порядок онтологической последовательности и места духовного сердца в ней. Он говорит, что духовное сердце начало существовать до того, как возникла «Жизнь – Звук Бога» (термин

Шри Чинмой), оно пришло к существованию «внутри трансцендентного источника абсолютного безмолвия Бога» [12, р. 59]. Здесь же мы найдем сущностную характеристику феномена, выраженную в простой и краткой форме: Шри Чинмой называет духовное сердце измерением универсальности. И здесь же Шри Чинмой говорит о том, что это самое духовное сердце, которое, как мы понимаем из сказанного им здесь, имело место быть до начала процесса творения, было вложено в человека, находящегося в предельно удаленной от Источника творения точке, каковой является наша планета Земля. Таким образом, духовное сердце предстает у Шри Чинмой как локализованный аспект Всевышнего, помещенный в наше, человеческое, сознание.

Представляется очевидным (и весь контекст философии Шри Чинмой это доказывает), что фраза о возникновении «Жизни – Звука Бога» в философии Шри Чинмой означает то же, что тезис о зарождении «Божественной речи» (Вак, или Вач – Vac) в Ведах (и там, и там имеется ввиду священный звук Аум, который в обоих случаях характеризуется как первая ступень отделения от Творца, еще несущая на себе печать Его Трансцендентального Безмолвия и потому парадоксально называемая беззвучным звуком). Фраза Шри Чинмой о возникновении «Жизни – Звука Бога» подразумевает начало космогонического процесса творения мира, в сути своей означающей дифференциацию Единого Творца на множество различных форм – процесса, который, проходя через ряд последовательных фаз, в конце концов составил ту часть творения, которая столь непосредственно известна нам – т. е. земную реальность со всем ее бесконечным разнообразием материальных форм.

Как пишет в предисловии к книге Шри Чинмой «Комментарии к Ведам, Упанишадам и Бхагавад-Гите» профессор философии и религиовед из США Кушумита Педерсен, Священная речь воплощала в звуке-форме фундамент реальности – существования [26, р. X – XI]. Шри Чинмой говорит, что в предельно сокровенных глубинах своего сердца человек может услышать послание голоса Безмолвия [10, р. 277] – т. е. воспринять этот беззвучный звук, который, как подчеркивает Шри Чинмой, несет в себе всю Вселенную [14, с. 52].

Этим онтологическим положением неопровержимо обосновывается закон подобия человека божественному источнику и вносятся существенные определения в масштаб и характер деятельности духовного сердца. В результате чего мы видим представленность мира через фундаментальные категории системности, процессуальности и энергетизма, а сердца – через аспекты сверхпространственности, сверхвременности и вездесущности. Сердце предстает психическим центром, обладающим основной энергией, по отношению к которой все другие являются побочными и которая является пружиной эволюции. Принимая на себя функции измерения универсальности в масштабах вселенной, сердце становится специфическим телом эволюционно значимых духовных процессов, в ходе которых снимается субъект-объектный дуализм и реализуется принцип «все во всем», известный в западной философии еще с античных времен.

Чтобы увидеть, как в учении Шри Чинмой главные смысловые векторы холистической модели преобразования воплощаются в дискурсе сердца, необходимо продолжить знакомиться с концепцией процесса творения у Шри Чинмой.

Этот процесс, протекавший как поэтапная дифференциация Единого Творца на множество разнообразных форм, Шри Чинмой объясняет Его определенной внутренней потребностью: Бог захотел наслаждаться собой во множестве различных форм [31, с. 114].

Основанием для развиваемых Шри Чинмой метафизических концепций являются древнейшие источники традиции, и в первую очередь Ригведа. Согласно текстам Ригведы, замысел получил осуществление через жертву верховного космического существа, называемого здесь (в Ведах) Пурушей [24, X, 90]. И Шри Чинмой также опирается на этот тезис, который можно считать доктринальным. Пуруша – феномен многозначный, и за ним закрепилось огромное семантическое поле, в котором имеют место и очень противоречивые толкования [18, с. 342 – 343]. Выделим здесь два толкования, которые важны с точки зрения предмета нашего внимания: как Первочеловека, Человека Вселенского, универсального и как космической силы сознания, чистого духа. Оба они отражают классическое ведическое понимание и разделяются точкой зрения Шри Чинмой [2, р. 226 – 229]. Заметим при этом, что в некоторых случаях он может называться другим именем – Праджапати, что стало иметь место со времен поздневедийской литературы, хотя в то же время Праджапати выступает и как самостоятельное Божество [2, с. 342, 333 – 334]. Но здесь мы не будем касаться Праджапати в этом втором качестве.

Но дезинтеграция, которая является сутью жертвоприношения Пуруши, не представляет космогонический процесс в его исчерпывающей полноте. В текстах, принадлежащих ведической традиции (в частности, в учении такой ортодоксальной даршаны, как уттара-миманса, или у Шанкары, вплоть до крупнейших представителей реформированного индуизма – Шри Ауробиндо, например), дается полная картина творения космоса как совокупности двух тенденций. Она включает не только дезинтеграцию, но и обратный процесс – реинтеграцию. Правда, здесь используется более точные, с нашей точки зрения, понятия центробежной и центростремительной тенденций. И при этом делается сильный акцент на их неразделимости. Шри Ауробиндо описывает центробежную тенденцию как распыление божественного Всеобщности в бесконечных Пространстве и Времени, а центростремительную – как сосредоточение этой Всеобщности в пределах Пространства и Времени [28, с. 55].

На Западе аналогичные идеи развивал Тейяр де Шарден. Он говорил о наличии двух главных типов процессов в нашей Вселенной – дивергентной, которую он трактует как падение во множественность, и конвергентной, определяемую им как подъем в необратимое объединение и напрямую соотносимую с сущностью эволюции на земле. Шарден обозначал ее как восхождение к сознанию, к некоему центру, называемому им Омегой [28, с. 214] и неизменно описы-

ваемому им как загадочный центр наших центров (т. е. нас как человеческих существ).

В текстах Шри Чинмой мы также имеем указание на эти две тенденции [4, р. 7]. Стоит обратить внимание на имеющиеся в цитируемых им идеях пояснения, что все пертурбации, происходящие в ходе этого величественного космического приключения, ничто иное, как разнообразные движения изначального единого абсолютного духа, понимаемого как чистое единое божественное сознание. Шри Чинмой также постулирует: «Бог – это универсальный Дух, но Он принимает разные формы» [9]. Из чего с неизбежностью следует вывод, что между Первопринципом (читай: Первоисточником) и всем проявленным существует постоянная связь. В качестве акцентирования такого положения вещей можно расценить следующую фразу Шри Чинмой: «Творение входит в несознательное (inconsience) и постепенно возвращается к Источнику» [5].

Вся эта онтология отразилась в трех принципиально важных для ведической традиции и тесно связанных друг с другом понятиях, на которые указывает Шри Чинмой: сатья (вечная истина) [2, р. 12], рита (космический закон, учрежденный в космосе порядок существования) [2, р. 12] и дхарма (внутренний закон, код жизни, смысл и долг человеческого существования) [35, с. 163; 37, ч. 1].

Дхарма человека и всего человечества в целом, разъясняет свою мысль Шри Чинмой, заключается в том, чтобы, опираясь на учрежденный свыше порядок (риту), единство бытия осознать и проявить и таким образом осуществить высочайшую истину (сатью) – которую он трактует как истину вселенского всеединства – в наиболее трудных условиях, в условиях наибольшей отдаленности от источника, так как Земля стала нижним пределом проявленного мира, или, как говорит Шри Чинмой, низшим из высших миров [2, р. 4]. Все значение творения Бога и существования Бога, говорит Шри Чинмой, сосредоточилось здесь, на Земле. В нас, в людях, живущих на этой планете, происходит прогресс эволюции, распространяющий свои результаты далеко за пределы Земли [5]. Мы не можем уклониться от своей роли в этой устроенной Богом Космической Игре, которая на языке традиции, как мы уже говорили, называется Лилой. Однако, согласно Шри Чинмою, человечеством эта истина осознается далеко не в полной мере. Он говорит: «Мы пытаемся осуществить невыполнимую задачу – отвергнуть Волю Бога» [8].

Человек должен выполнить работу, которая вполне соотносима с деятельностью Творца по разворачиванию Вселенной, ибо является второй половиной спроецированного Творцом процесса – обратной конвергенцией к себе всего универсума. Совершенно очевидна аналогия между гигантским конусом памяти Вселенной, образованным в результате дивергентного процесса, и работой человеческого сознания по собиранию многообразия в единство, то есть процесса конвергентного. И когда Шри Чинмой говорит, что Бог приготовил для человека свой Золотой Трон [7], то это больше не выглядит поэтическим преувеличением.

Это неизбежная судьба человека и его неотменимый долг – быть собирателем множества в единство. Шри Чинмой дает понять, что это «собрание» возможно не иначе, как осуществление союза духа и материи, которое означает одухотворение мира и влечет за собой преобразование мира (его трансформацию) в направлении, соответствующем замыслу Творца. Через материю на Земле совершается исследование Творцом самого себя в ипостаси духа. Говоря, что Дух – это сам Всевышний, Шри Чинмой так объясняет смысл Его пребывания внутри материи на Земле: «Он испытывает качества, рожденные в материи. Он переживает физическое существование. Приобретенные качества определяют его повторное рождение» [30, с.116]. Сравним: в одном из текстов, принадлежащих Ригведе – «Пурушасукте» – говорится: Пуруша рождает Вират, Вират рождает Пурушу [24, X, 90]. Понятие Вират (вариант – Вираджд), как и многие другие понятия традиции, не является простым и однозначным. Одно из значений, в котором оно употребляется в традиции, – материальный мир. С. Радхакришнан в своем известном труде «Индийская философия» определяет Вират как всю совокупность вещей, сумму всего существующего [21, с. 142]. Мы используем здесь это понятие именно в этом смысле, т. к. в данном случае, на наш взгляд, именно этот смысл лучшим образом проясняет картину.

Необходимо заметить, что указанная выше аналогия между двумя тенденциями бытия носит конститутивный характер, что означает, что вторая тенденция в основе своей определяется принципами, заложенными в самом истоке первой. В полной мере эта аналогия отражается через два кардинальных качества сердца, которые выделяет Шри Чинмой (о них речь пойдет ниже) и которые могут быть атрибутированы как функции эволюционного процесса.

Жертва, принесенная на Небесах, была необходимым условием для начала центробежной тенденции Творения; аналогично: чтобы стало возможным обратное движение, чтобы стартовала центростремительная тенденция, тоже требуется жертва – жертва, осуществленная на другом полюсе Творения – на Земле. Совершенно не случаен тот факт, на который указывает Шри Чинмой – что Веды избилуют идеей жертвенности [2, р. 27]. В контексте всего сказанного Шри Чинмою явно прослеживается мысль, что измерение универсальности может реализоваться только через жертвенность. Шри Чинмой прямо утверждает, что сердце призвано нести миру послание жертвенности. И еще: «Когда твоя жизнь превращается в спонтанную жертву, ты становишься уникальным инструментом Бога, Его несравненным представителем здесь, на Земле» [6].

Градациями жертвенности здесь, в философии Шри Чинмой, являются самоотдача, бескорыстие, отречение, служение и еще целый ряд близких понятий. Среди них своей явной приоритетностью выделяется чувство единства, которое в философии Шри Чинмой трактуется как высшая ипостась любви, понимаемой в наиболее возвышенном, духовном, смысле как великий принцип космической связи и как способность человека этот принцип реализовать в странстве своей жизни. Шри Чинмой прямо заявляет,

что по сути нет такой вещи как жертвенность, а есть лишь единство [34, с. 25]. Жертвенность и единство нельзя разделить, Они – как две стороны одной монеты: «Жертва – это безошибочное чувство единства», – говорит Шри Чинмой [3]. Жертвенность становится еще одним именем духовного сердца.

Жертвенность устанавливает единство, тогда как еще одно особым образом выделяемое Шри Чинмой качество – устремленность, чрезвычайно динамичный аспект сердца – постоянно ищет пути расширения единства вширь и вглубь и поэтому связан с культивированием качеств, благодаря которым это движение будет реализовываться. И здесь вновь уместно обращение к картине связи микро- и макрокосма – для проведения сравнения с характером взаимосвязи Пуруши с Пракрити – силой, благодаря которой, согласно ведической традиции, после жертвоприношения Пуруши происходило поэтапное развертывание космоса. Поэтому понятие устремления в философии Шри Чинмой по своей важности вполне сопоставимо с понятием жертвенности. Истинная устремленность всегда будет нести в себе элемент жертвенности, как и наоборот. Обратившись к текстам Шри Чинмой, мы читаем: «Устремление основывается на самопожертвовании, внутреннем и внешнем» [35, с. 98], а также: «Не может быть жертвоприношения без устремления» [2, р. 63]. Указанная выше аналогия позволяет также лучше уяснить идею, что устремление – это одновременно и источник энергии, и энергия источника в нас.

С этими двумя стержневыми качествами духовное сердце становится и незыблемой точкой опоры, центром движения в параметрах земной реальности, и животворным принципом в его отношении к космическому порядку, что делает его адекватным его первоисточником и самому Первопринципу. Вокруг этих двух качеств и должен выстраиваться мир человека в единстве внутреннего и внешнего, духовного и материального – с постоянным осознанным расширением сознания единства. За счет своей универсальности духовное сердце может привести в движение все связи, существующие в мире – как в измерении широты Творения, так и его Глубины. На эти измерения постоянно указывает Шри Чинмой с акцентом на том, что в первую очередь должна быть измерена Глубина Творения. Широта соответствует многообразию материальной проявленности, горизонтальной плоскости бытия, которую Шри Чинмой иногда обозначает как универсальный аспект бытия, подразумевая узкий смысл термина (в широком смысле слова понятие «универсальный» используется им для обозначения масштаба всей Вселенной), Глубина (она же – Высота), по определению Шри Чинмой, – скрытой сущности мира, которой на поверку оказывается чистый дух совершенного единства мира – единства первоосновы мира. Аспект Глубины/Высоты в философии Шри Чинмой отражает трансцендентальный аспект бытия.

Как измерение универсальности духовное сердце одновременно обращено к диаметрально противополо-

жным планам существования – к центру и периферии, внутреннему и внешнему, материальному и идеальному, имманентному и трансцендентному, к расширяющему и возвышающему. Оно действует как непогрешимая воля в космосе и способно вмещать любые противоположности, находить возможности гармоничного сочетания любых полярностей и совершать всеобъемлющий синтез мира и человека.

Шри Чинмой дает понять, что первый этап овладения принципом единства многообразия протекает как восстановление человеком целостности внутри себя – когда силой сердца к взаимному посвящению приводятся высшие и низшие уровни его существа и между ними устанавливается гармоническая согласованность, позволяющая достигать божественности внутри, касаться разумной Бесконечности в самом себе. И дальше, продолжая опираться на духовное сердце, человек восходит выше самого себя, постепенно охватывая весь мир. В кругооборот жизни с неизбежностью вовлекается вся материя, включая ее неорганические формы, вовлекается и преобразовывается в ней. И оказывается, что личная реализация и одухотворение мира являются тесно переплетающимися линиями единого процесса трансформации.

На всех этапах движения продолжает играть свою роль факт наличия веспронизывающего духовного начала, на котором Шри Чинмой заостряет наше внимание [4, р. 7; 35, с. 111]. Опора – на Пурушу, который, как пишет Шри Чинмой, является обитателем и в теле, и в душе, и в материи, и в духе [37, ч. 1, #12]. Как говорит Шри Чинмой, Всевышний во все вселил божественность – оставил след исходного единства в сердце каждого без исключения элемента. Тем самым Он дал человеку спасительную ниточку, способную вывести его из лабиринта бесконечного многообразия форм и помочь ему обрести высочайшие ценности, которыми владеет Единый – Восторг, Покой, Блаженство. С этой частичкой духа, с этой порцией бытия в каждой земной форме – живой и неживой – нужно научиться отождествляться в своем полном любви сердце. Умея на базе достигнутого в отождествлении переживания единства собрать целую цепочку универсальной проявленности, соответствующей данному переживанию – нанизать однопорядковые явления на это переживание как бусинки на нить, а затем подняться к переживанию более высокому, человек осуществляет в себе мечту Бога – раскрывает себя как Универсальное сознание Трансцендентальной Реальности, или как личность, пронизывающая все и всему предлагающая свое служение.

Таким образом, мы можем видеть, как в философии Шри Чинмой проводится важная мысль о месте и роли человека в космосе, о его духовной трансформации как фундаментальной необходимости бытия на всех его уровнях, и о великой роли в этом духовного сердца.

Литература

1. Pedersen K., Pedersen K. Introduction // Sri Chinmoy. Commentaries on the Vedas, the Upanishads and the Bhagavad-Gita. N.Y., 1996. P. IX – XV.
2. Sri Chinmoy. Commentaries on the Vedas, the Upanishads and the Bhagavad-Gita. N.Y., 1996.

3. Sri Chinmoy. Meditations: Food For The Soul. N.Y., 1970.
4. Sri Chinmoy. My Ivy League Leaves. N.Y., 1972.
5. Sri Chinmoy. My Maple Tree. N.Y., 1974. URL: <http://www.srichinmoylibrary.com/my-maple-tree/bliss>; <http://www.srichinmoylibrary.com/my-maple-tree/spiritual-seekers>
6. Sri Chinmoy. Rainbow-Flowers. Part 1. N.Y., 1973.
7. Sri Chinmoy. Rainbow-Flowers. Part 2. N.Y., 1999.
8. Sri Chinmoy. Seventy-Seven Thousand Service-Trees. Part 46. N.Y., 2006.
9. Sri Chinmoy. The Avatars And The Masters. N.Y., 1979.
10. Sri Chinmoy. The Garland of Nation-Souls: Complete talks at the United Nations. US: Florida, 1995.
11. Sri Chinmoy. The wisdom of Sri Chinmoy. US.: San Diego, 2000.
12. Sri Chinmoy. Canada aspires, Canada receives, Canada achieves. Part 2. N.Y., 1974.
13. Аленышева Л. Г. Концепция сердца в системной философии: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2005.
14. Атхарваведа (Шаунака): в 3-х т. Т. 1 / пер., вступ. ст., комм. и прил. Т. Я. Елизаренковой. М., 2005.
15. Бабина В. Н. «Метафизика сердца» в русской философии второй половины XIX века: П. Д. Юркевич: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.
16. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
17. Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 62 – 87.
18. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: словарь / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль, А. М. Дубянского. М., 1996.
19. Sri Chinmoy Library. URL: <http://www.srichinmoylibrary.com>
20. Костюченко В. С. Классическая веданта и неоведантизм. М., 1983.
21. Радхакришнан С. Индийская философия: в 2-х т. Т. 1 / пер с англ. 3-е изд. М., 1993.
22. Ригведа: в 3 т. Т. 1. / пер. Т. Я. Елизаренковой. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1989.
23. Ригведа: в 3 т. Т. 2. / пер. Т. Я. Елизаренковой. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1995.
24. Ригведа: в 3 т. Т. 3. / пер. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999.
25. Титаренко Е. С. Символ сердца: от древнегреческой и библейской традиции к ранней восточной патристике: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2010.
26. Хвастунова Ю. В. Познавательные способности сердца: религиозно-философская традиция и современные интерпретации: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2005.
27. Шарден Т. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. М., 1987.
28. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 14: Жизнь Божественная / пер. с англ. А. Климова. СПб.: Адити, 2005.
29. Шри Чинмой отвечает / пер. с англ. Харьков, 2002. Ч. 11
30. Шри Чинмой. Материя и Дух / пер. с англ. Донецк, 2009
31. Шри Чинмой. Единство восточного сердца и западного ума: в 3-х т. Т. 1. / пер. с англ. 2-е изд., испр. Донецк, 2006.
32. Шри Чинмой. Единство восточного сердца и западного ума: в 3-х т. Т. 2. / пер. с англ. Донецк, 2005.
33. Шри Чинмой. Единство восточного сердца и западного ума: в 3-х т. Т. 3. / пер. с англ. Донецк, 2005.
34. Шри Чинмой. Ежедневные цветы моего сердца / пер. с англ. М., 1992.
35. Шри Чинмой. Йога и духовная жизнь / пер. с англ. 2-е изд., испр. М., 2001.
36. Шри Чинмой. Лепестки моей розы / пер. с англ. М. ИП «Васильев А. В.», 2012.
37. Шри Чинмой. Суть света Индии / пер. с англ. Центр Шри Чинмоя, 1998. Ч. 1 – 2.
38. Юсупова Ф. Н. Метафизика сердца в европейской и русской философии и культуре XX в.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижневартковск, 2009.

Информация об авторе:

Воронина Марианелла Вениаминовна – соискатель кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, voronina.marianella2010@yandex.ru.

Marianella V. Voronina – post-graduate student at the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University.

Статья поступила в редколлегию 27.12.2013 г.